Взгляды полковника / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Взгляды полковника / рассказ ВЗГЛЯДЫ ПОЛКОВНИКА

— Честное слово, — сказал полковник Лапорт, — я стар, у меня подагра, ноги не гнутся и стали как колоды, но прикажи мне женщина, хорошенькая женщина, пролезть сквозь игольное ушко, я, кажется, проскочу в него, как клоун в обруч. Таким я и умру; это у меня в крови. Я старый любезник, ветеран старой школы. Личико женщины, хорошенькой женщины, будоражит меня всего, с головы до пят. Понимаете?
Впрочем, господа, все мы во Франции в сущности таковы. Мы остаемся рыцарями, несмотря ни на что, рыцарями любви и случая, раз уж упразднили господа бога, у которого мы состояли телохранителями.
Но женщину, видите ли, изъять из наших сердец никак нельзя. Она тут, — тут и останется. Мы ее любим, будем ее любить и не перестанем совершать ради нее любые безумства, пока на карте Европы есть Франция. И даже если Франции будет каюк — французы все равно останутся.
На глазах у женщины, хорошенькой женщины, я, кажется, способен на все. Черт возьми! Когда я чувствую на себе ее взгляд, этот дьявольский взгляд, от которого огонь пробегает по жилам, я хочу сам не знаю чего: хочу драться, сражаться, ломать мебель, доказать, что я самый сильный, самый храбрый, самый смелый, самый преданный из всех людей.
И я не исключение, нет, право же, нет! Клянусь вам, что такова вся французская армия! Мы все — от рядового и до генерала — рвемся вперед и готовы на все, если дело коснется женщины, красивой женщины! Вспомните, что заставила нас когда-то совершить Жанна д’Арк. И знаете, держу пари, если бы женщина, хорошенькая женщина, приняла на себя командование армией накануне Седана, когда ранили маршала Мак-Магона, мы прорвали бы линию пруссаков и — разрази меня гром! — выпили бы за ее здоровье, выстрелив из их пушек.

Парижу нужен был не Трошю, а святая Женевьева.
Мне вспоминается по этому поводу один случай из времен войны, который убедительно доказывает, что в присутствии женщины мы способны на все.
Я был тогда капитаном, скромным капитаном, и командовал отрядом разведчиков, который отступал по местности, уже захваченной пруссаками. Мы были окружены, нас преследовали, мы измучились, одичали и падали от усталости и голода.
Нам нужно было к утру добраться до Бара-на-Тене, иначе бы нас перестреляли, изрубили, перерезали. Как мы еще ухитрились избежать этого, сам не знаю. За ночь нам предстояло пройти двенадцать льё, — двенадцать льё по снегу и в снегопад да еще на пустой желудок. Я думал: «Всё кончено; моим беднягам ни за что не дойти».
Мы целые сутки ничего не ели. Ведь день прятались в риге, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, не в состоянии были ни разговаривать, ни шевелиться и спали беспокойным прерывистым сном, как спят вконец измученные люди.
К пяти часам стемнело, спустилась мглистая снежная ночь. Я растолкал людей. Многие отказывались вставать, потому что не могли ни двигаться, ни держаться на ногах, одеревенели от холода и всех прочих невзгод.
Перед нами расстилалась равнина, большая, дурацкая, голая равнина, а снег так и валил. Белые хлопья падали и падали, как завеса, покрывая все тяжелым и плотным мерзлым покровом, мертвящей периной из обледенелого пуха. Казалось, наступал конец света.
— В дорогу, ребята!
Они глядели на белую труху, валившую сверху, и как будто думали:
«Хватит! Помереть и здесь можно!
Тогда я вынул револьвер:
— Первого, кто отстанет, пристрелю.
И вот они пускаются в путь, но еле-еле тащатся, видно, что ноги у них уже не идут.
Я послал четверых в разведку, на триста метров вперед; остальные шли как попало, сбившись в кучу, кто широким, кто

мелким шагом, в зависимости от степени усталости и от длины ног. Самых крепких я выстроил сзади, приказав подбадривать отстающих… ударом штыка в спину.

Снег, казалось, собирался похоронить нас заживо; он запорошил кепи и шинели и не таял, превращая нас в привидения, в тени солдат, погибших от смертельной усталости.

Я говорил себе: «Не выбраться нам из этих мест, если только не случится чуда».

Иногда на несколько минут мы останавливались, поджидая отставших. Тогда слышался только тихий шум снега, еле уловимый шум бесчисленных падающих хлопьев.

Некоторые солдаты отряхивались. Другие стояли неподвижно. Затем я приказывал снова трогаться в путь. Люди взваливали ружья на плечи и, пошатываясь, шли дальше.

Вдруг разведчики вернулись назад. Их что-то встревожило. Они услыхали впереди голоса. Я выслал шесть человек с сержантом и стал ждать.

Внезапно пронзительный женский крик прорезал давящую снежную тишину, и через несколько минут ко мне привели двух пленников, старика и девушку.

Я допросил их вполголоса. Они спасались от пруссаков, которые в этот вечер заняли их дом и перепились. Старик испугался за дочь, и, даже не предупредив слуг, они убежали вдвоем среди ночи.

Я сразу понял, что это были буржуа, — пожалуй, даже побольше, чем буржуа.

— Пойдемте с нами, — сказал я им.

Мы снова двинулись. Старик знал местность и указывал нам дорогу.

Снег перестал, показались звезды, а холод стал нестерпимым.

Девушка шла под руку с отцом неровной, спотыкающейся походкой, и вся ее фигура говорила об отчаянии. Порой она шептала: «У меня ноги совсем отмерзли». А я, признаться, страдал больше всего за нее: невыносимо было видеть, как бедняжка тащится по снегу.

Вдруг она остановилась.

— Отец, — сказала она, — я так устала, что дальше не пойду.

Старик хотел нести ее на руках, но не мог даже поднять свою дочь, и она с глубоким вздохом опустилась на снег.
Их обступили. Я топтался на месте, не зная, что делать, не решаясь, по правде сказать, бросить на произвол судьбы старика и юную девушку.
Вдруг один из моих солдат, парижанин, по прозвищу Практик, заявил:
— Ну, товарищи, понесемте барышню, иначе, черт нас подери, какие же мы французы!
Я, кажется, ругнулся от удовольствия.
— Черт возьми, чудесная идея, ребята. И я тоже согласен нести.
Слева в темноте смутно виднелась роща. Несколько человек пошли туда и вскоре вернулись с охапкой веток; связанных наподобие носилок.
— Кто даст свою шинель? — крикнул Практик. — Для хорошенькой девушки, братцы!
Штук десять шинелей упало к его ногам. Еще мгновение, и девушку тепло укутали, уложили на носилки, и шестеро солдат подняли их на плечо. Я стал справа, в головах, и, даю честное слово, радовался, что и мне приходится ее нести.
Мы двинулись теперь гораздо веселее и бодрее, словно глотнули вина. Послышались даже шуточки. Видите, достаточно одного присутствия женщины, чтобы наэлектризовать французов.
Солдаты почти восстановили строй, оживились, согрелись. Один вольный стрелок, человек пожилой, который шел подле носилок, чтобы сменить первого уставшего товарища, пробурчал соседу, но так громко, что и я его услышал:
— Я уж не молод, а вот, провалиться мне на месте, как увижу женщину, так сразу у меня кровь и взыграет!
До трех часов утра мы шли почти без передышки. Потом разведчики вернулись еще раз, и тотчас же весь отряд залег в снег, виднеясь еле заметной полоской.
Я отдавал приказы шепотом и слышал за своей спиной сухой металлический треск: заряжали ружья.
Ведь там, в долине, творилось нечто странное. Казалось, бежал какой-то огромный зверь, который то вытягивался змеей, то собирался в клубок, резко кидался вправо, влево,

останавливался и снова начинал двигаться.
Вдруг таинственная блуждающая тень приблизилась к нам, и я увидел, что это скачут цепочкой в карьер двенадцать заблудившихся уланов, отыскивая дорогу.
Они были так близко, что я отлично слышал храп лошадей, бряцание оружия и поскрипывание седел.
Я крикнул:
— Пли!
И пятьдесят ружейных выстрелов нарушили безмолвие ночи. Еще пять или шесть вдогонку, и потом — последний одинокий выстрел. Когда пороховой дым рассеялся, мы увидали, что все двенадцать человек и девять лошадей упали. Три лошади неслись бешеным галопом; одна из них испуганно металась и волокла за собою труп всадника, зацепившегося ногой за стремя.
Около меня солдат засмеялся каким-то жутким смехом. Другой сказал:
— Сколько вдов-то!
Может быть, он и сам был женат. Третий добавил:
— На такое дело много времени не надобно.
Из-под шинелей высунулась головка.
— Что случилось? — спросила она. — Сражение?
Я ответил:
— Ничего особенного, мадмуазель; мы только что отправили на тот свет дюжину пруссаков.
Она пробормотала:
— Бедняги!
И, так как ей было холодно, она снова исчезла под шинелями.
Отправились дальше. Шли долго. Наконец небо стало бледнеть. Свет посветлел, заискрился, засверкал, и на востоке протянулась розовая полоса.
Вдали раздался окрик:
— Кто идет?
Отряд остановился, а я прошел вперед, чтобы нас пропустили.
Мы добрались до французских позиций.
Когда люди проходили мимо заставы, сидевший верхом на лошади командир, которому я только что доложил обо всем случившемся, заметил проплывавшие мимо него носилки и громко спросил:

— А это что у вас там?
Тотчас же высунулась белокурая головка, растрепанная и улыбающаяся, и послышался голосок:
— Это я, сударь!
Мои люди дружно захохотали, и все сердца радостно забились.
Практик, шедший подле носилок, замахал кепи и заорал:
— Да здравствует Франция!
И не знаю почему, но я вдруг расчувствовался, — до того это показалось мне милым и рыцарским.
Мне почудилось, будто мы спасли целую страну, совершили нечто такое, чего не сделали б другие, нечто простое, но подлинно патриотическое.
А это личико я, знаете, никогда не забуду, и, если б спросили моего совета насчет упразднения барабанов и рожков, я предложил бы заменить их в каждом полку хорошенькой девушкой. Это было бы еще лучше, чем играть Марсельезу. Черт возьми, как бы это подбодрило служивых, если б рядом с полковником они видели такую вот мадонну, живую мадонну.
Он помолчал несколько секунд и, покачивая головой, добавил с глубоким убеждением:
— Да, что ни говори, а мы, французы, любим женщин.

* * *

Напечатано в «Голуа» 9 июня 1884 года. В этой новелле Мопассан переработал один из ранних своих рассказов, «Женитьба лейтенанта Ларе» (см. в X томе).
Она тут, — тут и останется. — Пародируется «историческая» фраза президента Третьей республики маршала Мак-Магона (1808 — 1893): «Я тут, — тут и останусь», — сказанная в 1874 году. После того как в 1873 году кончилась крахом попытка реставрации монархии, которой маршал втайне не противился, он получил в ноябре того же, 1873 года продление своих президентских полномочий на семь лет и произнес эту фразу в знак того, что в течение этого срока уже не уступит власти кандидату монархистов, так называемому Генриху V.
Парижу был нужен не Трошю, а святая Женевьева. — После

поражения при Седане, когда в руки пруссаков попал и император Наполеон III, Вторая империя пала (4 сентября 1870) и образовалось буржуазно-республиканское «правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю (1815 — 1896); последний прославился хвастливыми заявлениями, что у него имеется «план» спасения Франции и разгрома пруссаков, но на деле оказался бездарностью и трусливым реакционером. Святая Женевьева — персонаж средневековой французской легенды, спасительница Парижа от нападения норманнов; святая Женевьева считается покровительницей Парижа.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994
Перевод Н.Мандельштам. Hekaýalar